

«Вначале был звук, и этот звук был заклинанием духов... Звук был магией. И он стал молитвой — очистительной силой, просветляющей душу. Теперь он — заклинание, послание, молитва — и глубочайшее вместилище переживания».

Так образно сказал о музыке, о ее месте в космической, «мировой» гармонии композитор Вячеслав Артемов.

«Мафия существовала и существует. Мне мешали всю мою жизнь. Писали доносы, исключали сочинения из программ. Даже мой Реквием, который с потрясающим успехом был впервые исполнен в 1988 году и выдвинут Советским фондом культуры на соискание Государственной премии СССР, сталинские последователи не допустили до участия в конкурсе».

И это — тоже Артемов: слово, произнесенное композитором со сцены Большого зала Консерватории в день закрытия фестиваля его музыки, что прошел недавно в Москве.

Кто же он такой — музыкант, претендующий на космизм мышления и вместе с тем демонстрирующий — как бы это помягче — повышенный уровень творческой самооценки?

Здесь не место вдаваться в подробный музыковедческий анализ. Скажу лишь, что, на мой взгляд, композитору безусловно присущ индивидуальный авторский почерк, нащупанный им, в основе своей, еще в консерватории: например, в дипломной работе — симфонии с солирующей скрипкой. Это, с одной стороны, возвышенная, раздумчивая мелодика, в которой преобладают настроения печали, молбы, скорби; с другой — импульсивная ритмическая стихия, богатство ударных звучаний, то погружающих нас в гулкую атмосферу колокольного благовеста, то деревянным «бульканьем» ксилофона или маримбы переносящих в экзотические края древних тропических культур, то мистическими звонами вибратона и колокольчиков, увлекающих в таинственное прекрасное своей светозарностью космическое пространство...

Артемов силен умением погружаться в какое-либо одно эмоциональное состояние, длить его сколько угодно долго. Может он и просто любоваться отдельным звуком, аккордом, словно хрупким цветком — немало таких страниц в «Симфонии элегий» для оркестра и двух скрипок, в «Сонате размышлений» для ансамбля ударных, в кантате «Сны при лунном свете» на стихи древнекитайских поэтов...

Напротив, обытовленных, «сниженных» интонаций, характеристического портретирования «жизни, как она есть», социально-пародийных образов, столь присущих современной музыке, мы не найдем в сочинениях Артемова. Фигурально выражаясь, взгляд композитора устремлен чаще горе, чем долу.

Может быть, оттого труднее даются музыканту формы с симфоническим развитием, должностующие символизировать не просто созерцание, но активное действие. Тут подчас обнаруживается, что пафоса средств автора недостаточно богата: нагнетание, патетическая кульминация, спад, снова нагнетание, снова пафос, снова спад... Возникает ощущение, будто музыка топчется на месте, исчерпывая себя раньше, чем прекращается ее звучание. По крайней мере такое впечатление произвели на меня две одночастные симфонии — «Путь к Олимпу» и «На пороге светлого мира».

И не только они. Помню, сходного рода претензии возникали у меня к самому капитальному произведению Артемова — Реквиему, услышанному шесть лет назад во время премьеры этого сочинения в Москве. Впрочем, годы многое меняют; не исключено, что сегодня я услышал бы Реквием «другими ушами». Увы, организационно «поднять» такую машину (большой хор, оркестр, почти два часа звучания) устроителям оказалось ныне не под силу...

Однако некоторые части Реквиема все же прозвучали — в записи, сопровождающей выступления Театра камерного танца из Владивостока, что проходили на сцене МХАТа на Тверском бульваре. Должен сказать, что именно этот коллектив, возглавляемый талантливым балетмейстером Ольгой Бавдилович, стал для меня главным открытием фестивальных дней. Ибо, считаю, он заставил музыку Артемова звучать если не новыми, то словно посвежевшими, заново вспыхнувшими красками. Своеобразная, как бы сомнамбулическая и вместе с тем до предела напряженная пластика шестерки

танцовщиков (в чем-то, как мне показалось, продолжающая опыты великого русского хореографа Касьяна Голейзовского) как нельзя лучше соответствовала колориту «вселенского трагизма», в котором выдержано большинство сочинений Артемова, и даже усилила его. Впечатлению лишь мешало непрерывное чтение «религиозно-философских», как она сама их называет, стихов Валерии Любецкой, жены композитора, стихов, может, как таковых и приемлемых, но, на мой взгляд, не свободных от некоторой назойливой назидательности и уж точно избыточных в таком количестве, когда из-за них не слышна собственно музыкальная ткань.

Ну вот, на этом, пожалуй, можно было бы и закончить краткий очерк

Нисхождение

К вершине,

или Непарадный портрет композитора Вячеслава Артемова

фестиваля, точнее, музыки Артемова, безусловно талантливой, вместе с тем не свободной от противоречий, несовершенств, довольно «узконаправленной» по своей выразительной природе.

Увы, это ощущение дисгармоничности еще более усилила атмосфера человеческих отношений и страстей, которая окружает композитора. Музыка ведь существует не в вакууме, и обстановка, в которой ей суждено жить, вовсе не безразлична ни для нее самой, ни для тех, кто ради нее приходит в концертные залы.

А пришло до обидного мало народу. Ладно бы — просто наполовину пустовал партер: теперь такое не в диковинку даже на концертах некогда наисенсационного Шнитке. Но почти не было коллег — композиторов, музыковедов! Отчего?

Мне кажется, я знаю ответ. Во всяком деле требуются такт, чувство меры. Например, в рекламе. Так, обращаясь к интеллигентной публике, нельзя действовать методами кавалерийского наскока, «гона волны», заимствованными из арсенала скандально знаменитого АО. Увы, виновата ли в том ментальность Артемова или что другое, но вокруг композитора почему-то постоянно толпятся люди именно с такой вот «скандальной» психологией и образом действий. Так было в дни исполнения Реквиема, когда в редакции газет посыпались размноженные на кероске экземпляры аполлетической статьи, после чтения которой у всякого несведущего возникло твердое ощущение, будто речь идет о величайшем творце, композиторе куда более значительном, чем, скажем, Моцарт или Верди с их Реквиемами. Так было, и когда оно исполнение чья-то лишняя такта рука связала с «горячей» политической темой, посвятив памяти жертв сталинских репрессий (хотя само произведение, повторю, звучит слишком обобщенно для столь конкретной отсылки — это примерно как если бы «Поэму экстаза» Скрябина посвящать, скажем, жертвам революции 1905 года).

Так, к сожалению, произошло и на этот раз. Открыв буклет фестиваля (в знакомом уже политически-конъюнктурном стиле привязанного к годовщине Конституции), я с изумлением прочел, что музыка Артемова, оказывается, на протяжении 20 лет утаивалась от народа тоталитарным режимом! Тут же, правда, сообщается, что музыканты-энтузиасты Дмитрий Китаенко, Лиана Исакдзе, Олег Крыса и другие неоднократно исполняли и записывали сочинения Артемова в Москве; да я ведь и сам помню, как исполнялась во Всесоюзном доме композиторов, например, соната для ударных «Тотем». Где же правда? Воистину ли перед нами — мученик Системы, или мы наблюдаем нечто вроде явления, описанного еще Ильфом и Петровым в главах их бессмертного романа, которые посвящены детям лейтенанта Шмидта?

Спору нет, путь художника в любом обществе непрост: истинный творец не может быть конформистом. Известно, сколько довелось

настрадаться на своем веку Прокофьеву, Шостаковичу; как непросто складывалась карьера у Свиридова, Щедрина, Бориса Чайковского, Гаврилина, Буцко... Не говорю уж о вовсе чудовищных случаях физической расправы с музыкантами — такое тоже имело место в сталинские десятилетия. Слава Богу, ничего даже отдаленно похожего не испытал на себе наш герой, живущий, насколько я могу судить, достаточно благополучно. И по меньшей мере бестактно делать из него эталон музыкального Мессии, который долгие годы чуть ли не в одиночку противостоял всему пустому и официозному в советском искусстве. Бестактно прежде всего по отношению к нашей богатейшей и многострадальной культуре. Впрочем, ее-

то в артемовском окружении, судя по всему, как раз не склонны особенно жаловаться. Чего стоит одно только телеинтервью врача и бизнесмена Святослава Федорова — члена оргкомитета фестиваля (но, по-моему, человека, имеющего к искусству лишь косвенное отношение): не моргнув глазом Святослав Николаевич заявил в телекамеру, будто культура в нашей стране была рабьей, и воспитывала она рабов, и только Артемов — «великий русский композитор» — раскрыл перед людьми горизонты душевного раскрепощения.

Воистину грех сей стар: подменяя живую картину бытия черно-белой схемой, так соблазнительно вершить скорый суд! Особенно же в наше смутное время велико искушение новости «порядок» в мыслях и делах простым способом: одним вещая ярлык святости, других низвергая в преисподнюю. Хотя бы для этого пришлось варварски обולванить всю историю отечественного искусства, да и страны в целом.

Это — информация к размышлению и для вас, уважаемый Вячеслав Петрович. Неужели не коробит от душка фальши, которым столь явственно веет от всей этой пропагандистской кампании, — душка, который, уверен, и отвратил от вас коллег?

А впрочем, жаль, что они не пришли. Опять-таки: плелевы, сорняки заслонили в чьих-то глазах добрые всходы, которых немало, например, в исполнительском искусстве тех, на чьем труде зиждился праздник, — имею в виду артистов Государственного академического симфонического оркестра, камерного оркестра «Musica viva», ансамбля ударных инструментов под руководством Марка Пекарского, дирижеров Федора Глуценко, Александра Рудина, Мурада Аннамамедова, скрипача Владислава Иголинского, флейстистку Марию Чепурину, органиста Олега Янченко...

Обидно, когда дефицит мудрости (упрек отношу ко всем нам) возводит стену непонимания между людьми. Вдвойне обидно, когда это непонимание, питаемое социальными мифами, однолинейностью нашего мышления, окружает человека небездарного. Артемов, конечно же, движим в своем творчестве самыми благими намерениями. Он, так сказать, ступил на макушку бугра посреди пересеченной, заросшей дебрями, заболоченной местности, которой можно уподобить нашу жизнь. Внизу — сыро, грязно, неуютно, а на холмике — сухо, звезды видны, да и ты сам неплохо со всех сторон просматриваешься.

Но до светлячиха на горизонте горных вершин, упирающихся в небо, еще ох как далеко! Путь к ним неизбежно лежит через овраги и топи. Кое-кто из смельчаков уже ступил туда, в пугающую путаницу троп. Им, конечно, реже, чем Артемову, доводится воздвигать взоры к светилам. Но, в отличие от него, они существенно ближе к заветной цели.

Сергей БИРЮКОВ.